

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-43-57

EDN: RZOEWD

Становление синергийных сложностей в России: запрос на новые учебные курсы в вузовском образовании*

С.А. Кравченко

МГИМО-Университет МИД РФ,
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Аннотация. В статье обосновывается запрос на новые подходы к вузовскому образованию, которые обусловлены становлением «порядка из хаоса» (И. Пригожин) в виде синергийных сложностей, сформировавшихся в стране. Их недооценка в годы перестройки и либеральных реформ привела к кризису образовательной системы и общества в целом. До сих пор эта актуальная проблематика недостаточно представлена в образовательных программах высших учебных заведений: необходимо дать студентам синергийное знание, связующее достижения социально-гуманитарных и естественных наук, позволяющее анализировать природу сложных, нелинейно развивающихся реалий и управлять ими. В статье рассматриваются следующие синергийно сложные реалии: социо-техно/цифро-природные гибриды, сложные пространства и время, интерферентные риски и гибридные уязвимости, сложная идентичность современного человека, сложности общественного сознания, добра и зла, а также научного знания и образования. Для их анализа задействуется теоретико-методологический инструментарий, состоящий из трех мета-парадигм: теории синергетики (социогуманитарное и естественнонаучное знание); теории, исследующие взаимовлияние глобальных и национально-локальных факторов; теории нелинейного развития и метаморфозных преобразований. Делаются выводы о необходимости меж- и постдисциплинарных курсов, позволяющих решить следующие задачи: вооружить студентов знаниями о каузальностях сложного типа; сформировать креативные личности, обладающие набором тех общекультурных и профессиональных компетенций, что необходимы для изучения и воспроизводства российских синергийных сложностей с сохранением их национально-культурной специфики; выработать гуманистическое мировоззрение, социально ответственное отношение к обществу, макро- и микро-миру природы, технологическим инновациям, тем самым внося вклад в суверенное развитие страны.

Ключевые слова: синергийные сложности; «порядок из хаоса»; нелинейность; синергетика; междисциплинарность и постдисциплинарность; креативность; социальная ответственность; суверенное развитие

---

*© Кравченко С.А., 2024

Статья поступила 11.12.2023 г. Статья принята к публикации 26.01.2024 г.

Имманентной характеристикой современной России являются синергические сложности: они представляют собой качественно новые реалии, возникшие как результат нелинейного процесса их становления в контексте прошлого, настоящего и будущего. Властные элиты не знали сложности того общества, которое они «построили». Факторы недооценки возникших синергично сложных проблем, для решения которых «неприемлемы простые решения», стали «едва ли не решающими предпосылками прекращения уникальных процессов перестройки» [18. С. 38–43, 53].

В период либеральных реформ были инициированы радикальные трансформации образовательной системы, призванные вооружить молодое поколение знанием о динамичном, «ускользающем мире» [6], что позволяло бы вырабатывать жизненно необходимые инновации в политике, экономике, социальной жизни и образовании. Однако был выбран курс, предполагающий не диалектическое разрешение противоречий, а заимствование на Западе либерально прагматической модели образования, воплощенной, как тогда казалось, в «универсальной» болонской системе. Негативные последствия этого курса ныне очевидны: «остро стоит вопрос, как преодолеть накопленное отставание и как осуществить реформирование образования». Доминируют производящие травму постулаты, что «образование — это услуга», а первостепенное значение играет «умение зарабатывать деньги». В результате «университеты ввергнуты в пучины квази-рыночных отношений», тогда как образование должно стать «сферой достижения и удовлетворения блага общества, обеспечения творчества, свободы поиска, раскрытие интеллектуального потенциала» [35. С. 209, 211–212].

Сегодня эти проблемы еще более актуализировались. В условиях конфронтационной политики, проводимой коллективным Западом, востребовано суверенное развитие страны и, соответственно, национально ориентированная модель высшего образования, нацеленная на комплексное изучение и устранение синергических сложностей: с одной стороны, необходимо вооружить студентов знанием о синергичной картине российского общества и мира, с другой стороны — возродить гуманистические традиции формирования всесторонне развитой, креативно мыслящей и социально ответственной личности.

Проблема синергических сложностей востребовала теоретико-методологический инструментарий, состоящий из трех мета-парадигм. Первая — теории синергетики, включающие в себя социогуманитарное и естественнонаучное знание, позволяющие анализировать нелинейные процессы развития живой и неживой природы, социума, цифровых технологий, искусственного интеллекта. Главный источник синергично сложных образований — «неравновесность как то, что порождает “порядок из хаоса”» [26. С. 252], компонентом которого являются имманентные факторы развития страны в виде

саморегулирующихся систем сложного типа, качества которых не сводятся к свойствам их частей [32].

Вторая мета-парадигма — теории, в которых исследуются взаимовлияния глобальных и национально-локальных факторов. Так, теория глокализации обосновывает становление ряда самодостаточных «глокальных модернов», включающих в себя «такие формальные характеристики, как нация-государство и его многочисленные символы (флаги, гимны и т.д.), научную мысль, концепции социальной науки (такие как культура, семья или религия), образовательные системы, бюрократические формы организации власти и т.д.» [47. С. 89]. Из этой теории следует, что синергичная сложность имеет культурную идентичность, а ее стержень — «генотип культуры страны», выраженный в «корневой системе нравственных ценностей и жизненных смыслов, вкусов и норм, критериев оценки человеком себя и окружающего мира» [7. С. 10]. Историческое формирование данного генотипа обусловлено соседством с двумя диаметрально противоположными типами культур — западной и восточной [23]. Если в генотипе западной культуры вектор общественного развития «направлен вовне, на преобразование мира», то с точки зрения восточной культуры вектор общественного развития и жизнедеятельности направлен «не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание, самоограничение, включение в традицию» [30. С. 12]. В этой же связи востребованы идеи Н.А. Бердяева [2] и Л.Н. Гумилева [8] о цивилизационной идентификации россиян.

Третья мета-парадигма — теории нелинейного развития и метаморфозных преобразований от философских идей Гераклита о «метаморфозе огня» [5], К. Маркса о «двойной метаморфозе» превращения товара в деньги, а из них в другой товар [20. С. 120], М.М. Бахтина о культурно конструируемых метаморфозах карнавалов [1] до современной теории У. Бека о «цифровой метаморфозе мира» — возникли реалии, позволяющие человеку выполнять функции Бога (“Being God”) [39. С. 22, 141–149]. Разнотипные метаморфозы, по сути, стали драйвером нелинейных преобразований человека, общества и природы.

Выделим десять наиболее актуальных синергичных сложностей, изучение которых следует включить в учебные курсы для студентов вузов. *Синергичная сложность в виде социо-техно/цифро-природных гибридов.* Как отмечает Дж. Урри, «социальные и физические/материальные миры полностью переплетаются, и дихотомия между ними есть идеологический конструкт, который необходимо преодолеть... Я включаю в общество мир объектов, технологий, машин и природных сред» [47. С. 8]. По Ж. Бодрийяру, имеет место процесс «растворения» социальных реалий, социальный обмен заменяется обменом символическим с доминированием кодов сигнификации и симуляров [3]. Природа и климат все больше превращаются в творение человека [41]. Под влиянием цифровизации утверждаются нечеловеческие ак-

танты, обладающие рефлексивностью, что способствует их гибридизации с социальными акторами [18]. Однажды начавшись, этот процесс продолжается. Его драйвером сегодня стала цифровизация, воспроизводящая саморазвивающиеся сложности гибридного типа, к которым, в частности, относят «человек — технико-технологическую систему», «сложные компьютерные сети, предполагающие диалог человек-компьютер», а также «все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития», которые конституируют «постнеклассическую рациональность». Для изучений синергических сложностей В.С. Степиным предложена синергетическая парадигма, квинтэссенция которой — «экспликация связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с внеучеными ценностями общесоциального характера» [32. С. 49, 50]. В образовательном процессе ее базовые принципы могли бы быть конкретизированы в практико-ориентированных курсах «Сложности новой России через призму синергетики» и «Национально-культурная модель цифровизации» [16. С. 29–37].

Синергическая сложность пространства. Зарубежные исследователи анализируют качественно новые пространственные реалии главным образом через призму теорий глобального развития человечества в контексте постулата «универсальности» западного мира: по Дж. Робертсону, процессы глобализации сопровождались всемерным культивированием американофилии, основанной на мифологизации англо-саксонского мира [45]; Дж. Ритцер отмечает, что все мировое пространство подвержено воздействию могущественных экономических и политических акторов, которые «навязывают себя на локальное», в результате чего «локальное быстро исчезает» [44. С. xiii]. Российские исследователи, напротив, комплексно подходят к изучению синергического сложного пространства, отмечая, что необходимо вести поиск сопряжения «трех уровней идентичности»: местного, регионального и всемирного [28. С. 220–223], поскольку «Россия принципиально полицентрична» [29. С. 9]. Этот фактор, существенно влияющий на общий вектор взаимодополняющего со-развития столиц и регионов России как саморегулирующихся систем сложного типа пока недооценен в учебном процессе, и восполнить пробел мог бы курс «Синергическая сложность пространства России».

Синергическая сложность времени. Согласно И. Пригожину, «переоткрытие» времени влечет обоснование его синергетической модели: сложность времени связана с выявлением его необратимости, а также культурной, социальной, нравственной и этической составляющих [24]. Нормой становятся многообразие ритмов времени, сочетание процессов эволюции и коэволюции сложных структур, ускорения и замедления развития, резкое увеличение точек бифуркации — периодов в развитии самоорганизующейся системы, когда активизируются внешние и внутренние факторы. Усложнение времени рельефно видно в увеличении его типов: в классической античности время рассматривается в связи с жизнью космоса, порой отождествляется с движением

небосвода [4]; сегодня речь идет о «нелинейности времени» [11]. Значимой составляющей синергично сложного времени выступает, по М. Кастельсу, «вневременное время», создающее возможности для «избавления от контекстов своего существования», но при этом оно «избирательно включает или исключает функции и людей из различных временных и пространственных рамок» [40. С. XI–xlii]. Для многих россиян становление вневременного времени — своего рода социальный капитал, дающий новые шансы на восходящую социальную мобильность, однако отсутствие адекватного доступа к нему стало своеобразным культурным механизмом воспроизводства «национальных особенностей режима исключения» [27. С. 358]. Также необходимо критически переосмыслить прагматический принцип «время — деньги», который не соотносится с генотипом нашей культуры. Российское время уникально: это не только одиннадцать часовых зон, но также социальные и нравственные составляющие, в частности, выражающиеся в исторической памяти россиян, переходящей из прошлого в настоящее и будущее. Полагаем, здесь целесообразен курс «Социальное время России».

Синергичная сложность интерферентных рисков. Реалии современного мира и России таковы, что имманентно включают в себя объективные и субъективные детерминанты, производящие синергичные рискованные эффекты. Среди них: возросшая скорость всех процессов в обществе; разрывы социальной преемственности и культурные травмы; из субъектов, получающих идентификации в «домашних» жизненных мирах, индивиды превращаются в рефлексивных акторов, предрасположенных к выбору и смене идентичностей; идут процессы детрадиционализации; «лишь ничтожная часть рисков “нового типа” хоть сколько-нибудь связана с национальными границами» [6. С. 50]. У. Бек полагал, что «цифровой риск» обуславливает «сбой в функционировании институтов» [39. С. 140]. Эти и другие сложные риски одновременно охватывают ряд сфер жизнедеятельности, накладываясь друг на друга и обретая тем самым интерферентный характер [15. С. 30–40]. Их сложная природа могла бы быть раскрыта в спецкурсе «Интерферентные риски России».

Синергичная сложность гибридных уязвимостей. Современные уязвимости имеют сложную природу: это прежде всего потенциальная дисфункциональность социо-техно/цифро-природных систем, предполагающая нелинейность между возможными причинами потенциальной катастрофы и ее последствиями. «Изменение нелинейно, здесь нет неизбежной пропорциональности между “причинами” и “эффектами”» [49. С. 60]; сложные уязвимости проявляются в виде «нормальных аварий» — потенциальных катастроф, вызванных не грубыми просчетами человека, а естественным взаимодействием людей с гибридными техническими, экологическими и биологическими системами, которые, будучи своеобразными актантами, периодически проявляют рефлексивность, вызывая «нормальные» сбои даже при

лучшем управлении и полном внимании к безопасности [43]. На отмеченные уязвимости накладываются вызовы социуму, обусловленные пандемией covid-19 и ее последствиями: возникли уязвимости доверию — люди обеспокоены тем, что в разных странах предлагаются различные, подчас противоречащие друг другу рекомендации, и они постоянно меняются; нет единой и надежной информации об эпидемиологических правилах, тактиках поведения и лечения [33. С. 71]. Уязвимости гуманизму содержатся в «текущем зле», суть которого — «соблазн и бегство к новизне» с постоянным возвращением в «измененном облике», что позволяет «затушевывать» различия между добром и злом [37. С. 3–6]. Уязвимости, исходящие от цифровизации, состоят в том, что некоторые государства становятся глобальными лидерами в создании «цифровых» городов и «облачных» хранилищ, в производстве «умных» машин, включая оружие, функционирующее на основе искусственного интеллекта. Появляются и локальные лидеры, задействующие относительно простые цифровые средства для нелинейных ответных мер на вызовы западных моделей глобализации и цифровизации. Соответственно, предлагается курс «Классические и современные подходы к уязвимостям».

Синергичная сложность идентичности. Если традиционно суть человека выражалась в биологической и психической телесности, а в процессе социализации в конкретном жизненном мире индивид обретал локальную культурную идентичность, то сегодня под влиянием цифровизации с рождения формируется гибридная идентичность. Как утверждает У. Бек, «цифровая метаморфоза» радикально изменяет человеческую природу, делая ее все более сложной: «поколения, которые я называю “поколениями побочных эффектов”... воплощают в себе цифру *априори*... То, что упаковано в магическое слово “цифра”, стало частью их “генетического кода”» [39. С. 188, 189]. Прежде социокультурная идентичность формировалась в контексте реальных взаимодействий людей, под влиянием «значимых других», традиций и ценностей конкретных жизненных миров. Цифровизация позволяет создавать практически у каждого человека «цифровое тело», позволяющее осуществлять коммуникации в глобальных социальных сетях [14. С. 15–28]. Люди воспринимают смартфоны, мобильные телефоны, персональные компьютеры как часть своей идентичности, что способствует становлению социодигитального индивида с софункционированием гибридных тел. Отразить эти метаморфозы мог бы курс «Классические и современные теории идентичности».

Синергетическая сложность общественного сознания. Под влиянием глобализации и цифровизации в общественное сознание россиян входят все новые ценности, некоторые отражают смыслы в виде симулякров «деидеологизации» и постправды, так или иначе противостоя отечественным идеалам, уходящим корнями в генотип культуры страны. По сути, утвердилась синергичная сложность конкурирующих идеологий, формируя в общественном сознании специфичный мировоззренческий «порядок из хаоса». Еще

К. Маннгейм отмечал, что необходимо управлять производством идей и ценностей, упорядочивая их, в противном случае «рано или поздно все станут неврастениками, поскольку затруднен разумный выбор в хаосе противоречивых и непримиримых ценностей... Невозможно представить себе человека, живущего в полной неуверенности и с неограниченным выбором» [19. С. 436]. Однако в конце XX века руководством России был взят курс на вестернизацию общественного сознания. Последствия перехода страны к коммерциализации и «деидеологизации» обернулись «созданием общества травмы», а на международной арене — дискредитацией образа страны как могущественного и суверенного государства. «Эти новые идеи усиленно пропагандировались, распространялись, провозглашались как единственно верные, не подлежащие никакой критике и никакому сомнению... Влияние и реализация этой политики привела к утрате Россией технической и технологической самостоятельности и, соответственно, независимости» [34. С. 71, 72]. Сегодня в политическом и экономическом плане эти последствия в основном преодолены, однако в духовной сфере еще предстоит многое сделать для суверенизации общественного сознания россиян. Думается, здесь необходим возрожденный курс «Борьба идей в условиях многополярного мира».

Синергичная сложность добра и зла. В новой России начали заботиться о сохранении традиционных представлений о гуманизме, исторически сформировавшихся социальных практик добра и зла. Российский гуманизм имеет культурную специфику, выражающуюся в духовности, творческом начале и стремлении к социальной справедливости [2; 8]. В то же время факторы нелинейного развития социо-техно/цифро-природных реалий, их побочные эффекты в виде травм гуманизма и прагматическая деятельность способствуют плюрализации трактовок добра и зла, что ведет к утверждению «моральной слепоты», зарождению «текущего зла»: если традиционное, «твердое зло», воплощенное в Дьяволе, нацеленное на завоевание души и покорение мира, было сравнительно легко идентифицировать, исходя из стабильных представлений о добре и любви, то квинтэссенция «текущего зла» — соблазн новизны. Ценность новизны ставится превыше всего, что порождает неудовлетворенные «желания желания», дегуманистический социальный тип человека выбирающего [36]. Синергичная сложность добра и зла проявляется в том, что гуманизм и антигуманизм, мораль и аморальность сосуществуют в одних пространственно-временных координатах. При этом коллективный Запад претендует на монополию олицетворения добра, маркируя как «варварство» иные представления, сформировавшиеся в незападных культурах [10. С. 31–44]. В сложившихся условиях востребовано «переоткрытие» значимости морали для единения людей [9. С. 5] и «моральное мерило» — для различения добра и зла, любви и ненависти, милосердия и жестокости, справедливости и предосудительности, для использования цифровых и биотехнологий в целях генной модификации человека. «Нынешние обстоятельства

представляют собой какофонию множества несовместимых изменений, сосуществующих в напряженной и конфликтной близости» [38. С. 79], поэтому важно, чтобы представители научного и теологического знания вместе выступали против тех, кто претендует на монополию в понимании добра и зла, добродетели и порока, истины и лжи. Разумеется, разворот в сторону гуманизма и культивирования духовного начала в человеке не может произойти сам по себе — необходимы усилия со стороны и преподавателей, и студентов, что возможно в рамках курсов «Этика социальной и профессиональной ответственности» и «Нелинейная динамика гуманизма», который бы стали своеобразным противовесом идеям панцифровизации, возвеличивающим роль искусственного интеллекта и умаляющим значимость духовности, гуманизма и живого человеческого труда.

Синергичная сложность научного знания. Для изучения разных типов синергичной сложности, последствий нелинейной динамики, процессов самоорганизации социума необходима синергия углубленных монодисциплинарных исследований конкретных аспектов сложных реалий с меж- и постдисциплинарным знанием. Постдисциплинарность основывается на переходе от традиционного, «жесткого», и «мягкого» детерминизма к неопредетерминизму — отказу от линейного развития, принудительной каузальности и иерархической структурности и изучению спонтанности, случайности, необратимости, синергично учитывая достижения как институционального, так и неинституционального знания. Для неопредетерминизма характерен отказ от идей прогресса, рельефно выраженного вектора и направляющего начала развития [22]: неопредетерминизм не отрицает линейное развитие, но рассматривает его как частный случай. Постдисциплинарность получила развернутое обоснование в поворотах социологии — к интеграции с теоретико-методологическим инструментарием социогуманитарных и естественных наук. Дж. Урри, обосновавший три таких поворота — мобильности, сложности и ресурсности, указывает, что они основаны на «постдисциплинарной методологии», предполагающей иной тип теоретизирования и мышления о гибридах живого и неживого, социального и физического. Естественно, при этом возникают «научные неопределенности», но они не ведут к разрушению предмета науки, а по-новому его образуют: «Порядок и хаос выражают определенное состояние баланса, в котором компоненты не полностью замкнуты в конкретном месте, но и не полностью исчезли в анархии» [48. С. 18, 22]. В условиях становления сложных реалий необходима гуманистически ориентированная постдисциплинарность, органично включающая в себя как теории хаоса, сложности и цифровизации, так и новые подходы к гуманизму, адекватно отражающие сложности и нелинейности мира [14. С. 16–26], в частности, предлагается курс «Синергичная сложность знания после “поворотов” социологии».

Синергичная сложность образования. Принципиально новым для современного образования стала его гибридизация по трем основным направлениям: 1) учитель — цифровой посредник (компьютер, гаджет) — обучаемый образуют, по сути, единое целое, обретая со-функциональность; 2) процессы социализации, образования и цифровизации переплетаются, проникая друг в друга, их невозможно мыслить, как прежде, в «чистом» виде; если традиционно образование предполагало передачу от старшего поколения младшему знаний, ценностей и норм, то сегодня «молодые поколения уже родились как “цифровые сущности”» [39. С. 188, 189]; 3) происходит метаморфоза обучающего и обучаемого — «расширяются права и возможности молодого поколения, а старшее поколение их лишается... отношения между учителем и учеником подвергаются дисперсии, даже меняются на противоположные» [39. С. 191]. В итоге все, вовлеченные в образовательный процесс, обретают взаимозависимую рефлексивность в отношении выработки, передачи и интернализации знания.

Последствия становления синергичной сложности образования носят амбивалентный характер. С одной стороны, благодаря цифровому образованию открываются новые возможности, используемые в интересах индивида и общества: у студентов формируется сопричастность к «умным» машинам, искусственному интеллекту и глобальному сообществу. С другой стороны, нынешняя модель цифровизации образования в целом основана на абсолютизации формальной рациональности и «универсализации» западной, в частности болонской, системы образования, не соотносящейся с генотипом российской культуры и не отвечающей судьбоносным мечтам о формировании гармонично развитого человека. Еще Р. Мертон отмечал, что образование, основанное на принципах формальной рациональности и прагматизма, латентно производит эффекты «обучения неспособности» [21], уменьшая творческое мышление. Сегодня же акцент нередко делается на увеличении степени компьютеризации образования, что усугубляет эти эффекты («гугление» вытесняет работу с академическими текстами, развивается инфантилизация молодежи [26]). Этим обусловлен запрос на принципиально новый тип образовательных программ, ориентированных на подготовку студенческой молодежи к непрерывному образованию, нацеленному на перманентное изучение синергичных сложностей новой России (они очень быстро меняют качественные характеристики). Возможен курс «Социология непрерывного образования».

* * *

Таким образом, синергичные сложности в виде саморазвивающихся, самоструктурирующихся систем пришли практически во все сферы жизнедеятельности россиян. Студентам как будущим специалистам необходимо не просто адаптироваться к нестабильности и флуктуациям, а ов-

ладевать синергетическим знанием о сложных структурах, нелинейное функционирование которых проявляется в виде «вдруг-событий», «нормальных травм» [42], росте побочных эффектов технологических инноваций. Главное — сформировать практические компетенции взаимодействия с синергичными реалиями, их регулирования, добиваясь устойчивого развития российского общества. Западные теории образования, основанные на принципах формальной рациональности и прагматизма, не могут обеспечить согласование, гармонизацию самоструктурирующихся систем и индивидов как социальных акторов, о чем свидетельствуют экономические, экологические и культурные кризисы. Достижение эффективности любой ценой, формальное увеличение цифрового контента деформирует и дегуманизирует жизненные миры людей.

Из сказанного вытекает запрос на новые учебные курсы в вузах, решающие триединую задачу модернизации и суверенизации российского образования. Во-первых, для изучения синергичных сложностей нужен синергичный теоретико-методологический инструментарий, позволяющий сформировать у студентов целостное представление о России, ее сложных пространственных, временных и цивилизационных реалиях, идейной и духовной жизни. Такой инструментарий содержится в меж- и постдисциплинарных подходах, предполагающих комплексное знание синергетики, социологии, социальной антропологии, политологии, социальной психологии, права как важного фактора формирования социальной ответственности и естественных наук, преподаваемых с учетом специальности обучающихся. Особую значимость имеет знание о каузальности сложного типа, содержащееся в теориях нелинейности — синергетики (Г. Хакен, И. Пригожин), флуктуации (П.А. Сорокин), становления как перманентного качественного обновления (П. Штомпка), ризомного развития, выражающего внеструктурный и нелинейный способ организации целостности (Ж. Делез, Ф. Гваттари), травматического развития (Дж. Александер, Ж.Т. Тощенко) и метаморфизации (У. Бек).

Во-вторых, при реализации конкретной образовательной программы необходима синергия гуманизма исторических традиций, включая российское искусство воспитания и образования, и социальной эффективности инноваций. Практическая цель такой синергии — формирование креативной личности, обладающей набором общекультурных и профессиональных компетенций для сохранения и воспроизводства российских синергичных сложностей с национально-культурной идентичностью. Такой подход предполагает отказ от прагматического постулата «чем больше цифровизации и онлайн программ обучения, тем лучше». Оснащение учебных заведений компьютерами не может быть самоцелью, это инструмент, позволяющий будущим специалистам обеспечить устойчивое, самодостаточное развитие страны как уникальной цивилизации

со своими нравственными и духовными ценностями. Чисто «компьютеризированное мышление» в отношении синергичных сложностей неприемлемо — ему необходимо противопоставить нелинейно-гуманистическое мышление [12. С. 113–125].

В условиях, когда коллективный Запад сдерживает развитие России и пытается «отменить» нашу культуру, обучение студентов невозможно без выработки у них суверенного мировоззрения. Необходимо ясно выразить в социально-гуманитарных курсах, что оборотной стороной постсоветской «деидеологизации» стала неолиберальная идеология с набором якобы «общечеловеческих ценностей», фактически противостоящих культурному коду нашей страны. Становление и эффективное функционирование синергичных сложностей с национально-культурной идентичностью невозможно без государственной идеологии, провозглашающей вектор развития страны, определяющей ее место в многополярном мире и средства воспроизводства национального человеческого капитала, что возможно только в противовес культурам прагматической эффективности и потребительства, утверждая идеалы гуманистически ориентированной цифровизации и здорового образа жизни. Сказанное не предполагает запрета на иные мировоззрения, включая теологические, выражающие дух самобытности российских этносов и религиозных конфессий. Не только возможно, но и необходимо их софункционирование в противостоянии идеям трансгуманизма и в обеспечении суверенного развития страны.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990.
3. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2003.
4. Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М., 2006.
5. Гераклит Э. Фрагменты. М., 1910.
6. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
7. Горшков М.М., Комиссаров С.Н., Карпухин О.И. На переломе веков: социодинамика российской культуры. М., 2022.
8. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 2023.
9. Гусейнов А.А. Ценности и цели: как возможен моральный поступок // Этическая мысль. 2002. № 3.
10. Зарубина Н.Н., Кравченко С.А. «Новое варварство» в цивилизационной перспективе: воздействие на человеческий капитал // Политические исследования. 2022. № 1.
11. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М., 2007.
12. Кравченко С.А. Влияние «стрелы времени» на инновационность мышления // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4.
13. Кравченко С.А. Возрастающая роль «цифрового тела» в человеческом капитале: изменения в характере коммуникаций // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 3.

14. *Кравченко С.А.* Развитие предмета социологии: от монодисциплинарности к меж- и постдисциплинарности // Социологические исследования. 2020. № 3.
15. *Кравченко С.А.* Цивилизационные вызовы устойчивому развитию России (интерферентные риски, востребованность долговременно функционирующих факторов) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 2.
16. *Кравченко С.А.* Амбивалентности цифровизации: востребованность ее национально-культурной модели для устойчивого развития // Социологические исследования. 2022. № 9.
17. *Латин Н.И.* Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М., 2021.
18. *Латур Б.* Политики природы. Как привить наукам демократию. М., 2018.
19. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994.
20. *Маркс К.* Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1960.
21. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
22. *Моисеев Н.Н.* Быть или не быть... человечеству? М., 1999.
23. *Пархоменко Т.А.* Российская цивилизация: между Западом и Востоком. М., 2021.
24. *Пригожин И.* Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8.
25. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 2022.
26. *Пузанова Ж.В., Ларина Т.В., Тертышников А.Г.* Инфантилизация молодежи: методологический подход к измерению // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3.
27. *Семенова В.В., Черныш М.Ф., Сушко П.Е.* (ред.). Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты. М., 2019.
28. *Смирнов А.В.* Самосознание российского общества // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 3.
29. *Смирнов А.В., Резник Ю.М.* (ред.). Философия в полицентричном мире. К 100-летию со дня рождения А.А. Зиновьева. М., 2022.
30. *Степин В.С.* Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // Век глобализации. 2011. № 2.
31. *Степин В.С.* О философских основаниях синергетики. Синергетика: будущее мира и России. М., 2008.
32. *Степин В.С.* Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4.
33. *Тартаковская И.Н.* Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2.
34. *Тощенко Ж.Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М., 2020.
35. *Bakhtin M.* Rabelais and His World. Cambridge Mass, 1968.
36. *Bauman Z.* Liquid Life. Cambridge, 2007.
37. *Bauman Z., Donskis L.* Liquid Evil. Cambridge, 2016.
38. *Bauman Z., Obirek St.* Of God and Man. Cambridge, 2015.
39. *Beck U.* The Metamorphosis of the World. Cambridge, 2016.
40. *Castells M.* The Rise of the Network Society. Oxford, 2010.
41. *Giddens A.* The Politics of Climate Change. Cambridge, 2009.
42. *Kravchenko S.A.* The birth of “normal trauma”: The effect of non-linear development // Economics and Sociology. 2020. No. 2.
43. *Perrow Ch.* Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. Princeton, 1999.
44. *Ritzer G.* The Globalization of Nothing. A Pine Forge Press Publication, 2003.
45. *Robertson J.O.* American Myth. American Reality. New York, 1980.
46. *Roudemetof V.* Globalization. A Critical Introduction. London–New York, 2016.
47. *Urry J.* Climate Change and Society. Cambridge, 2011.
48. *Urry J.* Global Complexity. Cambridge, 2003.
49. *Urry J.* What is Future? Cambridge, 2016.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-43-57
EDN: RZOEWD

The emergence of synergistic complexities in Russia: A request for new university courses*

S.A. Kravchenko

Moscow State University of International Relations,
Vernadskogo Prosp., 76, Moscow, 119454, Russia

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Abstract. The article explains the request for new approaches in the higher education as determined by the emergence of the “order out of chaos” (I. Prigogine) in the form of synergistic complexities. Their underestimation during *perestroika* and liberal reforms led to the crisis in the educational system and society. Until now, these actual issues have not been sufficiently represented in the educational programs of universities: students need synergistic knowledge that connects the achievements of social sciences, humanities and natural sciences and allows to analyze the nature of complex, non-linearly realities and manage them. The author considers the following synergistic realities: social-techno/digital-natural hybrids, complex spaces and time, interference risks and hybrid vulnerabilities, complex social identity, complexities of social consciousness, good and evil, scientific knowledge and education. To analyze the nature of synergistic realities, the author suggests a theoretical-methodological combination of three meta-paradigms: the theory of synergetics, which includes social-humanitarian and natural-scientific knowledge; theories that study the mutual influence of global and national-local factors; theories of nonlinear development and metamorphization. The author makes conclusions about the need for interdisciplinary and post-disciplinary courses for the study of synergistically complex realities, focusing on the Russian cultural specifics, which would allow to equip students with knowledge about complex causality; to form a creative personality with a set of cultural and professional competencies necessary for the preservation and reproduction of the Russian synergistic complexities with their national-cultural specifics; to develop a humanistic worldview and a socially responsible attitude towards society, macro- and micro-worlds of nature and technological innovation, thus, contributing to the sovereign development of the country.

Key words: synergistic complexities; “order from chaos”; nonlinearity; synergetics; interdisciplinarity and post-disciplinarity; creativity; social responsibility; sovereign development

References

1. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Francois Rabelais i narodnaya kultura srednevekoviya i Rennanssa* [Works of Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow; 1990. (In Russ.).
2. Berdyaev N.A. *Smysl istorii*. [The Meaning of History]. Moscow; 1990. (In Russ.).

---

*© S.A. Kravchenko, 2024

The article was submitted on 11.12.2023. The article was accepted on 26.01.2024.

3. Baudrillard J. *kritike politicheskoj ekonomii znaka* [For a Critique of the Political Economy of the Sign]. Moscow; 2003. (In Russ.).
4. Gaidenko P.P. *Vremya. Dlitelnost. Vechnost. Problema vremeni v evropejskoj filosofii i nauke* [Time. Duration. Eternity. The Problem of Time in the European Philosophy and Science]. Moscow; 2006. (In Russ.).
5. Heraclitus E. *Fragmenty* [Fragments]. Moscow; 1910. (In Russ.).
6. Giddens E. *Uskolzayushchy mir. Kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn* [Runaway World. How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow; 2004. (In Russ.).
7. Gorshkov M.M., Komissarov S.N., Karpukhin O.I. *Na perelome vekov: sotsiodinamika rossijskoj kultury* [At the Turn of the Century: Social Dynamics of Russian Culture]. Moscow; 2022. (In Russ.).
8. Gumilyov L.N. *Ot Rusi k Rossii* [From Rus to Russia]. Moscow; 2023. (In Russ.).
9. Guseinov A.A. Tsennosti i tseli: kak vozmozhen moralny postupok [Values and goals: How a moral act is possible]. *Eticheskaya Mysl*. 2002; 3. (In Russ.).
10. Zarubina N.N., Kravchenko S.A. “Novoe varvarstvo” v tsivilizatsionnoj perspektive: vozdeystvie na chelovechesky kapital [“New barbarism” in the civilizational perspective: Impact on human capital]. *Politicheskie Issledovaniya*. 2022; 1. (In Russ.).
11. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. *Sinergetika: Nelinejnost vremeni i landschafty koevoljutsii* [Synergetics: Nonlinearity of Time and Landscapes of Coevolution]. Moscow; 2007. (In Russ.).
12. Kravchenko S.A. Vliyanie “strely vremeni” na innovatsionnost myshleniya [The influence of the “arrow of time” on innovative thinking]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2010; 4. (In Russ.).
13. Kravchenko S.A. Vostrastayushchaya rol “tsifrovogo tela” v chelovecheskom kapitale: izmeneniya v kharaktere kommunikatsij [The growing role of the “digital body” in human capital: Changes in the nature of communications]. *Kommunikologiya*. 2020; 8 (3). (In Russ.).
14. Kravchenko S.A. Razvitie predmeta sotsiologii: ot monodistsiplinarnosti k mezhi i postdistsiplinarnosti [Development of the object of sociology: From mono-disciplinarity to inter- and post-disciplinarity]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 3. (In Russ.).
15. Kravchenko S.A. Tsivilizatsionnye vyzovy ustojchivomu razvitiyu Rossii (interferentnye riski, vostrebovannost dolgovremennno funktsioniruyushchih faktorov) [Civilizational challenges to Russia’s sustainable development (interference risks and a request for long-term functioning factors)]. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2023; 67 (2). (In Russ.).
16. Kravchenko S.A. Ambivalentnosti tsifrovizatsii: vostrebovannost ee natsionalno-kulturnoj modeli dlya ustojchivogo razvitiya [Ambivalences of digitalization: The relevance of its national-cultural model for sustainable development]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2022; 9. (In Russ.).
17. Lapin N.I. *Slozhnost stanovleniya novoj Rossii. Antroposotsiokulturny podkhod* [Difficult Development of New Russia. Anthro-Social-Cultural Approach]. Moscow; 2021. (In Russ.).
18. Latour B. *Politiki prirody. Kak privit naukam demokratii* [Politics of Nature. How to Bring the Sciences into Democracy]. Moscow; 2018. (In Russ.).
19. Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Moscow; 1994. (In Russ.).
20. Marx K. *Capital*. Vol. I. Marx K., Engels F. *Works*. Moscow; 1960. (In Russ.).
21. Merton R. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow; 2006. (In Russ.).
22. Moiseev N.N. *Byt ili ne byt... chelovechestvu?* [To Be or Not to Be... for Humanity?]. Moscow; 1999. (In Russ.).
23. Parkhomenko T.A. *Rossijskaya tsivilizatsiya: mezhdum Zapadom i Vostokom* [Russian Civilization: Between West and East]. Moscow; 2021. (In Russ.).
24. Prigozhine I. Pereotkrytie vremeni [Rediscovery of time]. *Voprosy Filosofii*. 1989; 8. (In Russ.).

25. Prigogine I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa: Novy dialog cheloveka s prirodoy* [Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature]. Moscow; 2022. (In Russ.).
26. Puzanova Zh.V., Larina T.V., Tertyshnikova A.G. *Infantilizatsiya molodezhi: metodologichesky podkhod k izmeneniyu* [Infantilization of the youth: A methodological approach to measurement]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (3). (In Russ.).
27. Semenova V.V., Chernysh M.F., Sushko P.E. (Eds.). *Sotsialnaya mobilnost v uslozhnyayushchemsya obshchestve: ob`ektivnye i sub`ektivnye aspekty* [Social Mobility in an Increasingly Complex Society: Objective and Subjective Aspects]. Moscow; 2019. (In Russ.).
28. Smirnov A.V. *Samosoznanie rossijskogo obshchestva* [Self-awareness of the Russian society]. *Vestnik RAN*. 2020; 90 (3). (In Russ.).
29. Smirnov A.V., Reznik Yu.M. (Eds.). *Filosofiya v politsentrichnom mire. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.A. Zinovieva* [Philosophy in a Polycentric World. To the Centenary of A.A. Zinoviev's Birth]. Moscow; 2022. (In Russ.).
30. Stepin V.S. *Globalizatsiya i dialog kultur: problema tsennostej* [Globalization and dialogue of cultures: The problem of values]. *Vek Globalizatsii*. 2011; 2. (In Russ.).
31. Stepin V.S. *O filosofskih osnovaniyah sinergetiki. Sinergetika: budushchee mira i Rossii* [On the Philosophical Foundations of Synergetics. Synergetics: The Future of the World and Russia]. Moscow; 2008. (In Russ.).
32. Stepin V.S. *Tipy nauchnoj ratsionalnosti i sinergeticheskaya paradigma* [Types of scientific rationality and the synergetic paradigm]. *Slozhnost. Razum. Postneklassika*. 2013; 4. (In Russ.).
33. Tartakovskaya I.N. *Doverie pered litsom pandemii: v poiskah tochki opory* [Trust in the face of the pandemic: In search of a foothold]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 2021; 27 (2). (In Russ.).
34. Toshchenko Zh.T. *Obshchestvo travmy: mezhduevolutsiej i revolyutsiej (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (Theoretical and Empirical Analysis)]. Moscow; 2020. (In Russ.).
35. Bakhtin M. *Rabelais and his World*. Cambridge Mass; 1968.
36. Bauman Z. *Liquid Life*. Cambridge; 2007.
37. Bauman Z., Donskis L. *Liquid Evil*. Cambridge; 2016.
38. Bauman Z., Obirek St. *Of God and Man*. Cambridge; 2015.
39. Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge; 2016.
40. Castells M. *The Rise of the Network Society*. Oxford; 2010.
41. Giddens A. *The Politics of Climate Change*. Cambridge; 2009.
42. Kravchenko S.A. *The birth of "normal trauma": The effect of non-linear development. Economics and Sociology*. 2020; 2.
43. Perrow Ch. *Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies*. Princeton; 1999.
44. Ritzer G. *The Globalization of Nothing*. A Pine Forge Press Publication; 2003.
45. Robertson J.O. *American Myth. American Reality*. New York; 1980.
46. Roudemetof V. *Glocalization. A Critical Introduction*. London–New York; 2016.
47. Urry J. *Climate Change and Society*. Cambridge; 2011.
48. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge; 2003.
49. Urry J. *What is Future?* Cambridge; 2016.